

Стефан Цвейг

ПОЭТЫ,
ПИСАТЕЛИ,
БЕЗУМЦЫ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ
БИОГРАФИИ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.112.2(436)
ББК 84(4Авс)-44
Ц 26

Перевод с немецкого
Полины Бернштейн, Сергея Бернштейна,
Вильгельма Зоргенфрея, Герберта Зуккау, Льва Миримова
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Валерия Гореликова

ISBN 978-5-389-26346-8

© Г. А. Зуккау (наследник), перевод, 2024
© Л. М. Миримов (наследник), перевод, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®

ТРИ МАСТЕРА

БАЛЬЗАК
ДИККЕНС
ДОСТОЕВСКИЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эти три очерка — о Бальзаке, Диккенсе и Достоевском — появились на протяжении десяти лет, однако неслучайно соединены они в одной книге. Они проникнуты единым намерением в лице трех великих и — в моем понимании этого слова — единственных писателей-романистов девятнадцатого века показать типы, которые благодаря резкому своему несходству как бы дополняют друг друга, и внести, может быть, ясность в понятие об эпическом изобразителе мира, о романисте.

Называя здесь Бальзака, Диккенса и Достоевского единственными великими писателями-романистами девятнадцатого века, я отнюдь не хочу умалить таким предпочтением величие отдельных произведений Гёте, Готфрида Келлера, Стендаля, Флобера, Толстого, Виктора Гюго и других, чьи единичные романы нередко далеко превосходят отдельные произведения, в особенности Бальзака и Диккенса. Поэтому мне представляется необходимым в точности установить проводимое мною внутреннее непоколебимое различие между сочинителем романа и романистом. Писателем-романистом в последнем, высшем смысле является лишь энциклопедический гений, всеобъемлющий художник, который — здесь широкий размах произведения и обилие действующих лиц становятся аргументом — строит целый космос и противопоставляет земному миру собственный мир с собственными типами, собственными законами тяготения и собственным звездным небом. У такого писателя всякое действующее лицо, всякое явление настолько пропитаны его сущностью, что не только для него становятся они типичными, но и для нас самих приобретают ту убедительную образность, которая часто побуждает нас присваивать их названия явлениям и лицам и в жизни

про живых людей говорить: это — бальзаковская фигура, это — диккенсовский образ, это — тип Достоевского. Каждый из таких художников в обилии созданных им образов являет некое жизнеощущение, некий закон жизни, столь единый и цельный, что он становится новой формой мира.

К попытке изобразить этот глубоко затаенный закон, этот душевный склад во всей сокровенной его цельности и сводится сущность моей книги, ненаписанный подзаголовок которой мог бы гласить: «Психология романиста».

У каждого из этих трех писателей-романистов есть своя собственная сфера. У Бальзака — мир общества, у Диккенса — мир семьи, у Достоевского — мир личности и вселенной. Из сравнения этих сфер обнаруживаются существующие между тремя авторами различия, но ни разу еще не было сделано попытки обратить истолкование этих различий в оценку или подчеркнуть — дружелюбно или неприязненно — национальные элементы художника. Всякий великий творец представляет собой известное единство, заключающее в себе свои пределы и свой вес в собственных единицах меры. Ибо на весах справедливости каждому произведению присущ только внутренний, удельный, а не абсолютный вес.

Все три очерка предполагают знакомство с обсуждаемыми произведениями и являются не введением к ним, а продуктом возгонки, конденсацией, экстрактом. Поэтому, в силу своей сжатости, они могут касаться лишь того, что лично ощущается как нечто существенное. Более всего смущает меня этот неизбежный недочет в статье о Достоевском, чья беспредельность, равняющая его с Гёте, едва ли может быть охвачена даже самой широкой формулой.

Охотно присоединил бы я к великим образам француза, англичанина и русского портрет соответствующего немецкого писателя-романиста, эпического изобразителя мира в том высоком смысле, какой я вкладываю в слово «романист». Но ни в современности, ни в прошлом я не нахожу никого, кто достиг бы этой высшей ступени. И может быть, смысл этой книги в том, чтобы потребовать явления его в будущем и его, еще далекого, приветствовать.

*Зальцбург,
1919*

БАЛЬЗАК

Бальзак родился в 1799 году в Турени, провинции изобилия, на веселой родине Рабле. В июне 1799 года — эта дата достойна повторения. Наполеон — смятенный его подвигами мир называл его еще Бонапарте — вернулся в этом году из Египта не то победителем, не то беглецом. Он сражался под чуждыми созвездиями, перед каменными свидетелями — пирамидами, а затем, устав упорствовать в завершении грандиозно начатого дела, проскользнул на утлом суденышке между подстергавшими его корветами Нельсона, через несколько дней по приезде собрал вокруг себя горсточку приверженцев, дочиста вымел пытавшийся оказать сопротивление Конвент и одним взмахом овладел верховной властью во Франции.

1799 год, год рождения Бальзака, является началом империи. Новое столетие не знает больше ни *le petit caporal*¹, ни корсиканского авантюриста, знает только Наполеона, императора французов. Еще десять—пятнадцать лет — как раз отроческие годы Бальзака — и властолюбивые руки захватывают пол-Европы, а тщеславные замыслы орлиными крыльями простираются уже над всем миром от востока до запада. Для человека, который так интенсивно переживает все окружающее, как Бальзак, не может быть безразлично, что шестнадцать лет первого знакомства его с миром совпадают с шестнадцатью годами империи, с самой, пожалуй, фантастической эпохой мировой истории. Ибо ранние переживания и призвание — разве не являются они, в сущности, лишь внутренней и внешней поверхностью одного и того же? Что кто-то с какого-то острова в лазурном Средиземном море

---

¹ Маленький капрал (*фр.*). Одно из прозвищ Наполеона. — *Здесь и далее, кроме указанных особо, примеч. ред.*

пришел в Париж, без друзей и без дела, незванный и непрошенный, грубо захватил там брошенные бразды власти, повернул ее вспять и обуздал, что кто-то, один на один, всем чужой, голыми руками завладел Парижем, затем Францией, а потом и всем миром, — эта причуда мировой истории поведена ему, современнику, не черными письменами, не в ряду других невероятных легенд и преданий: красочно, через все его жадно раскрытые чувства внедряется она в его личную жизнь, населяя тысячеликкой, пестрой правдой воспоминаний еще не исхоженный мир его души. Пережитое таким образом событие неизбежно должно стать примером. Мальчик Бальзак грамоте обучался, может быть, по прокламациям, которые гордо, сурово, почти с римским пафосом повествовали о далеких победах; детским пальчиком, неловко водил он, вероятно, по карте, где Франция, словно разбушевавшаяся река, постепенно разливалась по всей Европе, следил за переходами наполеоновских солдат, сегодня через Мон-Сенис, завтра через Сьерру-Неваду, или через реки — в Германию, или по снегам — в Россию, или по морю — под Гибралтар, где англичане спалили их флот раскаленными пушечными ядрами.

Днем, может быть, играли с ним на улице солдаты, которым казаки исписали лицо своими шашками; по ночам он часто, должно быть, пробуждался от гневного грохота артиллерии, спешившей в Австрию, чтобы под Аустерлицем разбить ледяной покров под русской конницей. И все помыслы его юности должны были раствориться в одном волнующем имени, в одной мысли, в одном представлении: Наполеон! Перед большим садом, ведущим из Парижа в широкий мир, выросла триумфальная арка, на которой высечены были названия городов половины этого мира, и в какое же беспредельное разочарование должно было преобразиться чувство господства, когда чужеземные войска с музыкой и развевающимися знаменами прошли под этими горделивыми сводами!

То, что происходило снаружи, в потрясенном бурями мире, прорастало внутрь в качестве пережитого. Рано пришлось мальчику познакомиться с невероятной переоценкой ценностей, как духовных, так и материальных. Он видел, как ассигнации, на которых за печатью республики значилось 100 и 1000 франков, носились по ветру, словно клочки простой бумаги. На золотых монетах, попадавших в его руки, красовался то жирный профиль

обезглавленного короля, то символ свободы — якобинский колпак, то римское лицо консула, то Наполеон в императорском облачении. В эпоху столь чудовищных сдвигов, когда иссякали или переливались через край нравственность, деньги, родина, законы, чины — словом, все, что веками заключено было в твердые границы, в эпоху столь невиданных перемен он должен был рано осознать относительность всех ценностей. Какой-то вихрь закрутил окружавший его мир, и когда смущенный взор искал точку опоры, символ, созвездие над этими вздыбившимися валами, то в приливе и отливе событий он останавливался неизменно на одном, на действующем, на том, от кого исходили эти тысячи потрясений и колебаний.

Да и самого его, Наполеона, он пережил. Он видел его едущим верхом на парад, окруженным чадами его воли: мамелюком Рустаном, Иосифом, которому он подарил Испанию, Мюратом, которому отдал в собственность Сицилию, предателем Бернадотом, всеми, для кого чеканил он короны и завоевывал королевства и кого вывел из нищеты их прошлого в сияние своего настоящего. В одну секунду на его сетчатой оболочке наглядно и живо отобразилась лучезарная картина, более величественная, чем все примеры истории: он увидел великого завоевателя мира. А разве для мальчика увидеть завоевателя мира не равносильно желанию стать таким же самому? В двух других местах отдыхали в ту пору еще два завоевателя мира: в Кенигсберге, где один из них свел всю запутанность вселенной в единую систему, и в Веймаре, где поэт владел этой вселенной — всей целиком — не менее прочно, чем Наполеон со своими армиями. Но для Бальзака это было еще надолго неоцутимой далью. Стремление всегда желать лишь целого, а не частичного, жадно добиваться всей полноты жизни — это лихорадочное честолюбие порождено было в нем на первых порах лишь примером Наполеона.

Эта огромная мировая воля не сразу познает свой путь. Бальзак не останавливается сперва ни на какой профессии. Родись он на два года раньше, он восемнадцати лет поступил бы в ряды наполеоновских войск, штурмовал бы, может быть, высоты при Белл-Альянсе, где сметала все живое английская картечь. Но мировая история не любит повторений. За грозой наполеоновской эпохи следуют теплые, мягкие, дремотные дни лета. При Людовике XVIII сабля превращается в изящную шпагу, солдат —

в царедворца, политик — в красная; высшие государственные должности приобретаются уже не силой испытанного в делах кулака, уже не силой случая с его темным рогом изобилия, а женские мягкие ручки даруют отныне милости и благоволение; общественная жизнь мелет, становится все скуднее, и кипящая пена событий разглаживается в тихую поверхность пруда. Мир уже не поддавался более завоеванию оружием. Наполеон, пример для единичных людей, для многих был пугалом. Итак, остается искусство. Бальзак начинает писать. Но не так, как другие, не затем, чтобы наскрести денег, позабавить публику, наполнить книжную полку, вызвать разговоры на бульварах; в литературе его прельщает не маршальский жезл, а императорская корона.

За работу он принимается в какой-то мансарде. Под чужим именем, как бы испытывая свои силы, пишет он свои первые романы. Это еще не война, а лишь военная игра, маневры, а не сражение. Недовольный успехом, неудовлетворенный достигнутым, он бросает свое ремесло, служит три-четыре года на другом поприще, работает писцом в нотариальной конторе, наблюдает, приглядывается, вкушает, проникает взором в сущность мира, а затем начинает снова. Но на сей раз — устремив всю свою огромную волю на целое, с гигантской, фанатической алчностью, пренебрегающей единичным явлением, феноменом, отрывочным, лишь бы охватить то, что вращается большими размашистыми кругами, лишь бы послушать, как работают таинственные зубчатые колеса первобытных инстинктов. Извлечь из кипящего котла событий чистые элементы, из сумбура цифр — сумму, из шума и грохота — гармонию и из полноты жизни — ее эссенцию, загнать весь мир в свою реторту, вновь воссоздать его «в ракурсе», в точном сокращении, чтобы одухотворить эту покоренную вселенную своим собственным дыханием и управлять ею своими собственными руками: вот какова теперь его цель! Из этого многообразия ничто не должно быть утеряно, и, чтобы свести беспредельное к какому-то пределу, недостижимое к чему-то доступному для человека, существует только одно средство, один процесс: процесс сжатия.

И вот вся его сила работает в том направлении, чтобы сжать явления, пропустить их сквозь такое сито, где остается все несущественное и просеиваются только чистые, ценные формы; а затем спрессовать эту россыпь единичных форм в тепле своих

рук, свести их подавляющее многообразие в наглядную, стройную систему, подобно тому как Линней уложил миллиарды растений в одну тесную классификацию, как химик сводит бесчисленные соединения к щепотке элементов. В этом теперь все его честолюбие. Он упрощает вселенную, чтобы затем властвовать над ней, и втискивает побежденный мир в грандиозное училище «Comédie humaine»¹. Благодаря этому процессу дистилляции его люди всегда оказываются типами, сводками черт, характерных для какого-то множества, очищенными неслыханной художественной волей от всего лишнего и несущественного. Эти прямолинейные страсти служат ударной силой, эти чистые типы — актерами, это декоративно упрощенное окружение — кулисами для «Comédie humaine».

Он концентрирует, вводя в литературу административную систему централизации. Подобно Наполеону, он обращает Францию в окружность мира, а Париж — в его центр. И в этот круг, в самый Париж, он вписывает еще несколько кругов: дворянство, духовенство, рабочих, писателей, художников, ученых. Из пятидесяти аристократических салонов он делает один — салон герцогини де Кадиньян. Из сотни банкиров — барона де Нюсенжена, из всех ростовщиков — Гобсека, из всех врачей — Ораса Бьяншона. Он заставляет этих людей жить плотнее друг возле друга, чаще соприкасаться между собой, ожесточеннее бороться друг с другом. Там, где жизнь порождает тысячу разновидностей, у него их только одна. Он не знает смешанных типов. Его мир беднее действительности, но зато интенсивнее ее. Ибо люди его являются экстрактами, его страсти — чистыми элементами, его трагедии — конденсатами.

Подобно Наполеону, он начинает с завоевания Парижа. Затем он захватывает провинцию за провинцией — каждый департамент как бы шлет своего представителя в бальзаковский парламент — и наконец бросает свои войска, как победоносный консул Бонапарте, во все страны. Размах его широк: он посылает своих людей к фиордам Норвегии, на опаленные солнцем, песчаные равнины Испании, под огненно-красное небо Египта, к обледелой переправе через Березину; куда угодно и еще того дальше простирается его воля, подобная воле великого его прообраза.

¹ «Человеческой комедии» (фр.).

И как Наполеон, отдыхая между двумя походами, создал *code civil*¹, так Бальзак, отдыхая от завоевания мира в «*Comédie humaine*», создает нравственный кодекс любви и брака, целый принципиальный трактат, и над всеобъемлющей линией крупных произведений выводит, улыбаясь, еще шаловливый завиток своих «*Contes drolatiques*»².

Из глубин нищеты, из крестьянских лачуг он переносится в богатые особняки квартала Сен-Жермен, проникает в покои Наполеона, всюду уничтожая четвертую стену и вместе с нею все тайны закрытых помещений. Он в Бретани заодно с солдатами располагается на отдых в палатках, играет на бирже, заглядывает за кулисы театра, следит за работой ученого... Нет на свете такого уголка, куда бы не проливал света его волшебный пламень. В его армии насчитывается две-три тысячи человек, и в самом деле, из земли он их выжал, из плоской своей ладони вырастил. Нагими явились они из небытия, и он рядит их в одежды, дарит им (а потом отнимает), как Наполеон своим маршалам, титулы и богатства, играет ими и натравливает их друг на друга. Неисчислимо многообразие событий, и огромен встающий за ними ландшафт. Подобно тому как Наполеон — единственный в новейшей истории, так единственно в современной литературе это завоевание мира в «*Comédie humaine*», это «держание в руках» всей плотно стиснутой жизни. Еще отроком мечтал Бальзак завоевать мир, а ничто так не могущественно, как ранний замысел, претворившийся в действительность. Недаром же написал он под одним из портретов Наполеона: «*Ce qu'il n'a pu achever par l'épée, je l'accomplirai par la plume*»³.

И каков он, таковы и его герои. Все они жаждут завоевать мир. Какая-то центростремительная сила бросает их из провинции, из родных мест, в Париж. Там — их поле брани. Пятьдесят тысяч молодых людей, целая армия, стекаются туда — неиспытанная, девственная сила, смутная энергия, ищущая разрядки; и здесь, в тесноте, эти люди сталкиваются между собой, словно пушечные ядра, истребляют друг друга, взмывают ввысь, срываются в бездну. Никому заранее не уготовано место. Всякий

¹ Гражданский кодекс (*лат.*). Законодательный акт Франции.

² «Озорных рассказов» (*фр.*).

³ Что он не мог докончить мечом, то я совершу пером (*фр.*).

должен сам завоевать себе ораторскую трибуну, перековать в надежное оружие твердый, как сталь, упругий металл, именуемый молодостью, и спустить свою энергию до пределов взрывчатого вещества. Что такая борьба внутри цивилизации не менее ожесточенна, чем на полях сражений, это впервые доказано Бальзаком, и он гордится этим. «Мои буржуазные романы трагичнее ваших трагедий!» — бросает он романтикам. Ибо первое, что узнают эти молодые люди, герои бальзаковских книг, — это закон немолимости. Им известно, что их слишком много и что они — это сравнение принадлежит Вотрену, любимцу Бальзака, — должны пожрать друг друга, как пауки в банке. Оружие, выкованное ими из своей молодости, они должны еще отравить жгучим ядом опыта. Прав только тот, кто всех переживет. Из всех тридцати двух родин ветра стекаются они, как санкюлоты Великой армии, обдирают свои башмаки по дороге в Париж, придорожная пыль въедается им в одежду, а глотки спалены неутолимой жаждой наслаждений.

И вот, оглядевшись в новой, волшебной сфере элегантности, богатства и могущества, они чувствуют, что для завоевания этих дворцов, этих женщин, этой власти та малая кладь, которую принесли они с собой, никакой цены не имеет и что для использования своих способностей необходимо переплавить молодость в упорство, ум — в хитрость, доверчивость — в вероломство, красоту — в порок, отвагу — в изворотливость. Ибо герои Бальзака сугубо требовательны: им подавай все! Все они переживают одно и то же приключение: мимо них мчится кабриолет, колеса обдают их грязью, кучер размахивает бичом, а в экипаже сидит молодая женщина, и в волосах ее сверкают драгоценности. Быстро промелькнул брошенный ею взгляд. Она прекрасна и обольстительна; она символ наслаждения. И у всех героев в это мгновение только одно желание: мне, мне эту женщину, этот экипаж, лакеев, богатство, Париж, весь мир!

Их развратил пример Наполеона, доказавшего, что могущество доступно и малейшему из малых. Они не домогаются, подобно провинциалам-отцам, виноградников, префектуры или наследства; нет, они борются уже за символы, за власть, за восхождение в тот лучезарный круг, где сияют, как солнце, бурбонские лилии, а деньги, словно вода, текут меж пальцев. И становятся они теми великими честолюбцами, которым Бальзак при-

писывает более крепкие мускулы, более неистовое красноречие, более действенные побуждения и хоть более быстротечную, но зато и более яркую жизнь, чем другим. Это люди, чьи мечты превращаются в действие, поэты, которые — как он говорит — в гуще жизни творят поэзию. К делу приступают они двояким способом: гению предназначен один путь, простому смертному — другой. Надо найти свой собственный способ добиться власти или изучить чужие способы, методы, усвоенные окружающим обществом. Надо разрывным снарядом смертоносно врезаться в толпу тех, кто отделяет тебя от цели, или же медленно их отравить, словно чумной заразой, — так советует анархист Вотрен, грандиозная, любимая Бальзаком фигура.

В Латинском квартале, где в тесной каморке начал свою деятельность и сам Бальзак, сходятся его герои, первобытные формы социальной жизни: Деплен, студент-медик, карьерист Растиньяк, философ Луи Ламбер, художник Бридо, журналист Рюбампре — целый сонм молодых людей, представляющих собой неоформленные элементы, чистые, рудиментарные характеры. И тем не менее: вся жизнь, как она есть, группируется вокруг стола в легендарном пансионе Воке. А затем, влитые в великую реторту жизни, прокипяченные в огне страстей, охлажденные разочарованиями, застывшие, подвергнутые многократному воздействию природных сил, управляющих обществом, механическим трению, магнитному притяжению, химическому разложению, молекулярному делению, — эти люди преобразовываются и теряют свою истинную сущность.

Страшная кислота, именуемая Парижем, одних растворяет, разъедает, выделяет и ведет к исчезновению, а других, наоборот, кристаллизует, заставляет затвердевать, окаменеть. В них происходят все процессы превращения, окрашивания и соединения, из различных элементов образуются новые комплексы, и десять лет спустя уцелевшие и приспособившиеся — знаменитый врач Деплен, министр Растиньяк, великий художник Бридо — приветствуют друг друга улыбками авгуров на высотах жизни, тогда как Луи Ламбер и Рюбампре разможены маховым колесом. Недаром Бальзак любил химию и изучал труды Кювье и Лавуазье. Ибо в многообразном процессе реакций, приближений, отталкиваний и притяжений, выделений и расчленений, разложений и кристаллизации, в атомном упрощении химических соединений

яснее, чем где бы то ни было, отражалась, по мнению Бальзака, картина соединения социального. Что всякое множество воздействует на единицу не менее, чем единица, в свою очередь, определяет множество (это воззрение, которое он называл ламаркизмом, было впоследствии сформулировано Тэнном), что всякий индивид является продуктом климата, среды, обычаев, случая и вообще всего, с чем он по воле судьбы соприкасается, и что всякий индивид впитывает свою сущность из атмосферы, а затем, в свою очередь, излучает из себя новую атмосферу, — эта всеобъемлющая обусловленность внутреннего и внешнего мира была для него аксиомой. Высшая задача художника, казалось ему, — зарисовывать этот отпечаток органического на неорганическом, следы живого в отвлеченном, итоги наличных в данный момент духовных приобретений социального организма, продукты целых эпох. Все переливается одно в другое, все находится в движении, ни одна сила не свободна. Столь неограниченная вера в относительность явлений отвергала всякую цельность, даже в области характера.

У Бальзака людей всегда творят события: словно глину, лепит их рука судьбы. Всякое из имен его героев объемлет нечто изменчивое, а не единое. В двадцати книгах Бальзака проходит барон де Растиньяк, пэр Франции. Кажется, будто его уже знаешь, по уличным ли, по салонным или по газетным встречам, его, этого наглого выскочку, этот прототип грубого, безжалостного парижского карьериста, выюном проскальзывающего сквозь все лазейки в законе и мастерски олицетворяющего мораль развращенного общества. А между тем есть книга, где тоже живет Растиньяк, молодой, бедный дворянин, отправленный родителями в Париж с большими надеждами и малыми деньгами, — мягкий, кроткий, скромный, сентиментальный характер. Эта книга повествует о том, как он попадает в пансион Воке, — в этот дьявольский котел, в один из тех гениальных ракурсов, где в четырех стенах, оклеенных дешевенькими обоями, Бальзак умещает все присущее жизни многообразие темпераментов и характеров, — и здесь этот юноша видит трагедию безвестного короля Лиры, старика Горио, видит, как мишурные принцессы Сен-Жерменского предместья нагло обкрадывают старого отца, видит всю низость человеческого общества. И вот, когда он следует наконец за гробом этого слишком доброго человека, один, сопутствуемый только дворником и служанкой, когда в суровый час с высот Пер-Лашез

видит у ног своих Париж, грязно-желтый, мутный, как злой нарыв, — тогда познает он всю премудрость жизни.

В это мгновение ему слышится голос каторжника Вотрена, слышатся его поучения о том, что с людьми надо обращаться как с почтовыми клячами, гнать их в три кнута, а затем пусть подышают у самой цели: и в эту секунду он становится бароном де Растиньяком остальных книг, наглым, неумолимым карьеристом, пэром Франции. Такую секунду на перепутье жизни переживают все герои Бальзака. Все они становятся солдатами в войне всех против всех; всякий мчится вперед, и через труп одного прокладывают себе дорогу остальные. И Бальзак показывает, что у всякого есть свой Рубикон, свое Ватерлоо, что одни и те же схватки происходят во дворцах, в хижинах и в тавернах и что под одеяниями священников, врачей, солдат и адвокатов гнездятся одни и те же побуждения. Это прекрасно знает его Вотрен, анархист, играющий самые разнообразные роли, выступающий в книгах Бальзака под десятком личин, но всегда один и тот же — и сознательно один и тот же. Под нивелированной поверхностью современной жизни продолжаются подземные бои. Ибо внешнему уравниванию противодействует внутреннее честолюбие. Так как никому не припасено особого места, как некогда королю, дворянству или духовенству, и так как всякий имеет право на все места, то усилия удесятеряются. На сокращение возможностей жизнь отвечает удвоением энергии.

Именно эта убийственная и самоубийственная борьба энергий — именно она-то и прельщает Бальзака. Его страсть — описывать целеустремленную энергию, как выражение сознательной воли к жизни, описывать ее не в ее действии, а в ее сущности. Добрая она или злая, способна ли она давать полезное действие или же расточается впустую — это ему безразлично, была бы она только интенсивна. Интенсивность, воля — это все, потому что они принадлежат человеку; успех и слава — ничто, потому что их определяет случай. Мелкий воришка, трус, который тащит с прилавка и прячет в рукав небольшую булку, сучен; крупный вор, профессионал, который грабит не только ради выгоды, но и в угоду страсти, чье существование полностью определяется понятием рвачества, — грандиозен. Вымерять эффекты, события — задача исторической науки; вскрывать первопричины, напряжения — кажется Бальзаку задачей писателя.

Ибо трагична только сила, не достигающая цели. Бальзак описывает *les héros oubliés*¹; для него в каждой эпохе существует не один только единичный Наполеон, не только тот, исторический, что завоевал с 1796 по 1815 год весь мир, — нет, их у него на примете четверо или пятеро. Один пал, может быть, под Маренго, и звали его Десексом; другой мог быть послан настоящим Наполеоном в Египет, подальше от великих событий; третий пережил, может статься, самую потрясающую трагедию: он был Наполеоном, но так и не добрался до поля битвы и, вместо того чтобы прогrometer горным потоком, иссяк в какой-нибудь провинциальной труппе, однако же энергии затратил он не меньше, хоть и на мелкие дела.

Выводит он также и женщин, которые своим самопожертвованием и красотой могли бы прославиться не хуже самых лучезарных королев, чьи имена звучали бы, как имена Помпадур или Дианы де Пуатье; говорит о поэтах, сраженных немилостью породившего их времени; слава прошла мимо их имен, и другому приходится наделять их этой славой. Он знает, что каждая секунда жизни бесплодно тратит огромные запасы энергии. Ему известно, что сентиментальная провинциалочка Евгения Гранде в то мгновение, когда она, трепеща перед скупым отцом, дарит своему кузену кошелек с деньгами, проявляет не меньше мужества, чем Жанна д'Арк, чьи мраморные статуи сверкают по всей Франции на городских площадях.

Успехи не могут ослепить биографа бесчисленных карьер, не могут ввести в заблуждение того, кто химически разложил всю косметику общественного обихода. Неподкупное око Бальзака, выискивающее повсюду только энергию, видит в толчее событий всегда только живое напряжение и в давке на Березине, где разгромленная наполеоновская армия переправляется по мосту, где отчаяние, подлость и геройство сотни раз описанных сцен сконцентрированы в одной секунде, — выхватывает настоящих, величайших героев: тех сорок никому не ведомых солдат-саперов, трое суток простоявших по грудь в нестерпимо холодной воде, среди плывущих льдин, чтобы навести зыбкий мост, по которому спаслось пол-армии. Он знает, что за парижскими занавешенными окнами ежесекундно разыгрываются трагедии, отнюдь не

¹ Забытых героев (*фр.*).

менее значительные, чем смерть Юлии, конец Валленштейна или отчаяние Лира, и не перестает повторять горделивые свои слова: «Мои буржуазные романы трагичнее ваших трагедий».

Ибо его романтика захватывает до глубины души. Его Вотрен в обывательской своей одежде потрясает не менее, чем увешанный бубенцами звонарь собора Парижской Богоматери Квазимодо у Виктора Гюго, а угрюмые утесы душевных ландшафтов и дикие заросли страстей и алчности в груди его великих честолюбцев наводят не меньший ужас, чем страшная скалистая пещера в «Гане Исландце».

Бальзак ищет грандиозного не в драпировках, не в исторических или экзотических перспективах, а в сверхмерном, в повышенной напряженности чувства, ставшего в замкнутости своей единственным. Он знает, что всякое чувство лишь тогда становится значительным, когда сила его остается несломленной, и каждый человек лишь тогда велик, когда он сосредоточивается на одной цели, не разбрасывается, не расщепляется на отдельные желания, когда его страсть, вбирая в себя соки, питающие другие чувства, противоестественно укрепляется за счет ограбленных, подобно тому как с удвоенной мощью расцветает ветвь после удаления садовником лишних побегов.

Он описал таких мономанов страсти, которые все свое миропонимание сводят к одному-единственному символу, устанавливая один-единственный смысл в хитросплетении хоровода жизни. Основной аксиомой его энергетики служит нечто вроде механики страстей: убеждение, что всякая жизнь сопряжена с расходом некоторой постоянной суммы сил, независимо от того, на какие иллюзии она расточает эти волевые импульсы, независимо от того, разменивает ли она их постепенно на тысячи возбуждений или расчетливо копит для внезапных сильных экстазов, истощается ли жизненный огонь в медленном горении или в ярких вспышках. Кто живет быстрее — живет не менее продолжительно; кто живет по единому плану — живет не менее многообразно.

Для произведения, где изображаются одни лишь типы, где растворяются чистые элементы, — только такие мономаны и нужны. Вялые люди не интересуют Бальзака, его занимают лишь такие, которые являются чем-то цельным, которые всеми нервами, всеми телесными силами, всеми помыслами цепляются за какую-нибудь иллюзию жизни, будь то любовь, искусство,

Цвейг С.

Ц 26 Поэты, писатели, безумцы : Литературные биографии / Стефан Цвейг ; пер. с нем. П. Бернштейн, С. Бернштейна, В. Зоргенфрея и др. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 800 с. : ил. — (Non-Fiction. Большие книги).

ISBN 978-5-389-26346-8

Стефан Цвейг — классик австрийской литературы, автор великолепных психологических новелл и беллетризованных биографий, переведенных на все языки мира. Его биографии сочетают в себе художественные достоинства и верность документальным источникам, при этом Цвейг неизменно выбирал для своих книг людей необыкновенных, наделенных высокими талантами и оставивших в истории неизгладимый, часто трагический след.

В настоящее издание вошли четыре знаменитые биографические работы Стефана Цвейга, включенные автором в так называемый цикл «Строители мира». Имена героев этих произведений известны всем — это великие писатели, философы, поэты. Автор пристально рассматривает их жизнь и творчество, сравнивая и противопоставляя, казалось бы, столь разные фигуры, чтобы создать, по его словам, «глубину перспективы, как бы раму вокруг портрета» и тем самым «пояснить творческие устремления духа».

УДК 821.112.2(436)
ББК 84(4Авс)-44

СТЕФАН ЦВЕЙГ

ПОЭТЫ, ПИСАТЕЛИ, БЕЗУМЦЫ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ БИОГРАФИИ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Подготовка иллюстраций Дмитрия Кабакова
Корректоры Валерий Камендо, Ольга Попова, Татьяна Бородулина

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 13.08.2024.

Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.

Усл. печ. л. 49. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-NFB-35330-01-R